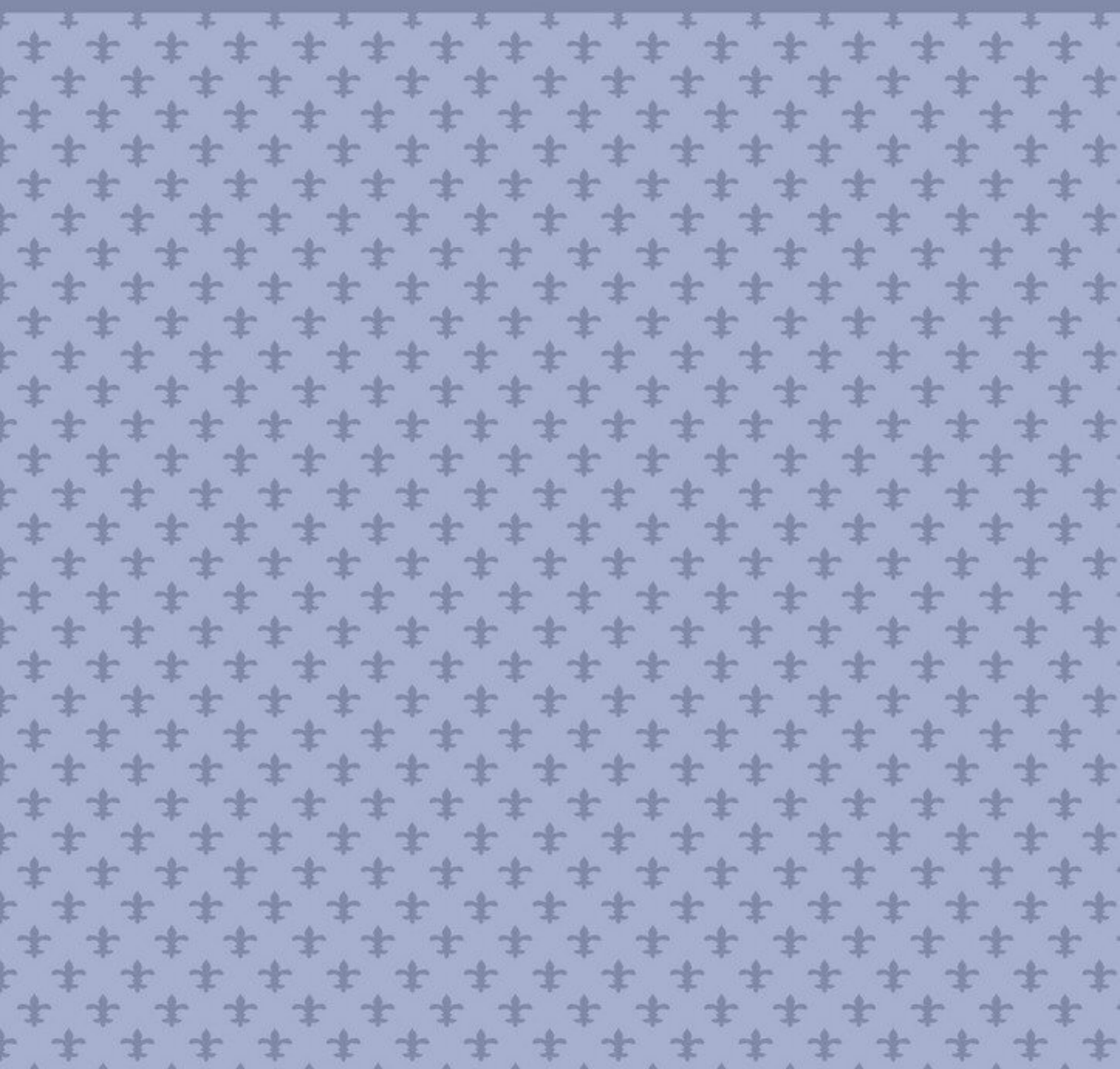

18+

Аманбек Батталханов
МЦА-70. Город, которого нет

Аманбек Батталханов

МЦА-70. Город, которого нет

«Издательские решения»

Батталханов А.

МЦА-70. Город, которого нет / А. Батталханов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690174-2

«Город, которого нет» — это больше, чем мемуары. Это путешествие во времени в Алма-Ату 1970-х, увиденную глазами студента Политеха. Сквозь личные истории автора и его однокурсников группы МЦА-70 проступают слои истории города: от средневекового Алматы и верненских улиц до ритма студенческой жизни, целинных будней и армейских сборов. Эта книга — ностальгический и честный портрет эпохи, города и поколения, которое его строило. Для всех, кто помнит, любит или хочет понять Алматы.

ISBN 978-5-00-690174-2

© Батталханов А.
© Издательские решения

Содержание

А. Батталханов	6
МЦА 70	7
ГЛАВА 1. АЛМАТЫ: СЛОИ ИСТОРИИ	8
1.9. Исчезающий город	18
ЗОЛОТАЯ ЭПОХА 70-Х	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

МЦА-70. Город, которого нет

Аманбек Батталханов

© Аманбек Батталханов, 2026

ISBN 978-5-0069-0174-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А. Батталханов

МЦА 70

Город, которого нет

«Время – не река, которая течёт в одну сторону. Время – это круг, и иногда мы можем вернуться туда, где были счастливы»

ГЛАВА 1. АЛМАТЫ: СЛОИ ИСТОРИИ

1.1. Алматы: городище Алматы, Талхир и археологические данные

Город Алматы, административный и культурный центр юго-восточного Казахстана, традиционно ведёт свою историю с 1854 года – момента основания русской крепости Верное. Однако археологические и нумизматические находки, а также письменные источники свидетельствуют о существовании на этой территории развитых поселений ещё в VIII—XII веках. В первую очередь речь идёт о городищах Алматы и Талхир, которые являлись звеньями Великого шёлкового пути и имели черты городской цивилизации.

Городище Алматы: локализация и интерпретация

Городище Алматы располагается в южной части современного Алматы, в районе улиц Толе би и Байзакова. Его существование датируется приблизительно VIII—X веками, а культурный слой свидетельствует о наличии ремесленного производства, ирригационной системы и торговых связей.

Топоним Алматы встречается в ряде источников: арабские географы (аль-Идриси, аль-Макдиси) упоминают некое поселение в предгорьях Заилийского Алатау, ассоциируемое с данным названием. По версии археолога К. М. Байпакова, название «Алматы» происходит от средневекового «Алмату», что может означать «яблочный».

Алмату – точка на Шёлковом пути

О городе с названием Алмату упоминают и в источниках из других стран. В арабо-персидских путевых хрониках XIII—XIV вв. название «Алмату» (или «Алимат», «Алмалыг») мелькает среди торговых маршрутов Чагатайского улуса – одного из осколков империи Чингисхана.

Через него шли караваны между Самаркандом и Кашгаром, а в тени яблоневых садов отдыхали торговцы, несущие специи, ткань и серебро. Монетный двор здесь – как паспорт: город признан важным центром.

Источник: Свод памятников истории и культуры г. Алматы. – Алматы: 2002.

Небольшое пояснение:

Ещё в 1960-х годах археолог Кемаляк Акишев и его команда раскапывали остатки поселения, которое получило условное название Алматы I. Оно располагалось на том месте, где сейчас проходит проспект Аль-Фараби и улицы Байтурсынова и Сатпаева.

Здесь нашли остатки глинобитных домов, ремесленные мастерские, керамику, кости домашних животных, ирригационные каналы. Это был не кочевой стан, а город, живущий своим ремеслом и торговлей.

«Ворота городища смотрели строго на юг – к горам, где рождаются яблоки», – скажет позже Акишев.

Источник: К. А. Акишев. Археологические памятники долины Алматинки. – Отчёты ИА АН КазССР, 1982—1985.

Городище Талхир (Талгар)

Городище Талхир, находящееся в 25 км к востоку от Алматы, представляет собой один из наиболее изученных памятников средневекового урбанизма Казахстана. Оно функционировало в период IX—XIII вв. и имело классическую структуру города Востока: шахристан, рабад, цитадель.

Раскопки обнаружили:

керамику согдийского и китайского типа;
монеты Караханидов и хорезмийцев;

фрагменты строительных сооружений и водопровода.

Согласно К. Байпакову, Талхир был важным пунктом Великого шёлкового пути и выполнял функции оборонительного и торгового центра.

Параллельно с городищем Алматы археологи изучали Талхир (Талхиз), расположенный в предгорьях в 25 км к востоку от Алматы. Это место исследовано куда глубже – здесь найдено не просто городище, а целый комплекс с ремесленными кварталами, фрагментами глинобитных стен и, главное, кладом китайского фарфора X века.

Многие специалисты полагают, что именно Талхир был ключевым пунктом на южной ветви Шёлкового пути и входил в сеть средневековых городов Жетысу. В 2014 году Талхир получил международное признание: как часть маршрута Великого шёлкового пути он был внесён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Городище Талхир, к востоку от Алматы – ныне город Талгар. Там раскопаны дома с тандырами, гончарные печи, сторожевые башни. Это был город, стоявший на Великом Шёлковом пути, открытый караванам и идеям, но при этом укоренённый в местной земле.

Что связывает их всех? Мягкий климат предгорий, реки – Большая Алматинка и Талгар, и, конечно, яблоневые сады, дававшие плод «alma» – возможно, тот самый, что дал городу имя. Сведения об этом месте встречаются в китайских хрониках Танской эпохи, но локальные письменные источники – монеты, черепки с метками, реконструированные уличные сетки – важнее: они ближе к земле и к телу города.

Великий шёлковый путь не был магистралью, он был дыханием, и это дыхание ощущается в кладбищах у подножий холмов, в разрушенных башнях, в остатках крепостных рвов. Некоторые участки городища были застроены в советское время, под гаражи и дачи – и это тоже часть рассказа. Ведь история – не музей, а жизнь, и часто она незаметна, пока не вкопаться лопатой на полметра.

Сегодня Городище Алматы не туристическое место. Нет указателей, нет касс и навигации. Только редкие холмы и странная тишина, в которой всё ещё слышны отголоски кузнечных ударов или шагов купца, пришедшего из Бухары.

Но вот что интересно: несмотря на все академические баталии, споры о «настоящем» предшественнике Алматы не утихают. Кто-то утверждает, что Алматы – это скорее поселение садоводов и торговцев, не тянущее на город. Другие, как, например, Т. С. Зейнулла, указывают, что по данным стратиграфии и культурных напластований городище могло существовать и до монгольского периода.

Для меня же – как для жителя и исследователя – важнее другое. Алматы и Талхир – это две формы памяти. Первая – почти исчезнувшая, хрупкая, но родная. Вторая – документированная, утверждённая международным сообществом. Обе они – корни Алматы.

1.2. Монетные находки и нумизматические источники

На территории предполагаемого Алматы и в районе Талхира были обнаружены монеты следующих периодов:

Арабские дирхамы (VIII—IX вв.);

Монеты Караханидов (X—XII вв.);

Монеты Золотой Орды (XIII—XIV вв.).

Монеты служат основным хронологическим маркером, подтверждающим торговую активность и статус этих поселений как городских образований. Кроме того, монеты указывают на политическую принадлежность региона к различным государственным образованиям: Арабский халифат, Караханидское государство, Золотая Орда.

Немного лирики. Серебряная тень древнего города.

Когда экскаваторный ковш в 1979 году разрезал землю будущей военной академии, он неожиданно вывернул на свет две серебряные дирхемы. Мелкие, с арабской вязью. Нумизмат Владимир Настич разглядел на них надпись: «Чеканен дирхем в балад Алматы, год 684 хиджры» – а это значит 1285—1286 год нашей эры. Монеты нашли не на простом месте. Здесь, у подножия Заилийского Алатау, археологи давно подозревали нечто большее, чем просто село. И они были правы.

* (Источник: В. Н. Настич. Монеты чагатаидов с именем города Алматы // Нумизматика и эпиграфика, т. XXIX. – М., 1990.) *

Роль этих памятников в истории Алматы

Наличие развитых городских поселений на месте современной Алматы опровергает устоявшееся представление о «новизне» города. Наследие Алматы и Талхира демонстрирует:

существование урбанистической культуры;

активное участие региона в трансконтинентальной торговле;

многообразии этнокультурных и религиозных влияний (ислам, согдийская культура, китайский импорт).

Между молотом и степью: упадок

С XIV века наступают беспокойные времена. Алматы теряет своё значение, его здания зарастают. Джунгарские набеги, затем перемещения казахских жузов, кочевой быт – всё это возвращает долину к жизни без стен, но с садами.

Иные причины упадка

С конца XIV века Алматы исчезает из письменных источников. Возможные причины:

набеги кочевых племён;

перенаправление торговых путей;

политический упадок Чагатайского улуса;

землетрясения, эпидемии, снижение численности населения.

Таким образом, на момент прибытия русской армии в XIX веке здесь оставались лишь небольшие поселения и аулы.

Источник: Кляшторный С. Г., «История Казахстана: с древнейших времён», Алматы, 1993.

Тем не менее, память о городе не уходит: даже спустя века казахи называли эти места «алматылы жер» – «яблочная земля».

Источник: Мусин Ч., Толеубаев А. История Казахстана. – Алматы: 2001.

Есть, разумеется, и иные мнения. Я не историк, то, что я пишу, – не более чем рассказ пожилого человека о городе юности.

Например:

Проблема интерпретации монет:

Монеты – мобильные артефакты. Их обнаружение в Алматы не доказывает существование здесь крупного города с монетным двором. Например, клады арабских дирхемов находят в Скандинавии, но это не свидетельствует о городах эпохи халифата там.

Надпись «Балад Алматы» может относиться к округе (области), а не конкретному городу. Термин «балад» в XIII веке означал «страна», «район», «провинция».

Отсутствие городских руин:

В Алматы, в отличие от Тараза или Туркестана, нет следов средневекового города (крепостных стен, водопровода, мостовых). Это отмечал ещё востоковед Василий Бартольд в 1893 году, ссылаясь на смутные рассказы о «киргизских строениях» к юго-западу от Верного.

Археологи фиксируют лишь отдельные поселения эпохи бронзы (например, курган на улицах Розыбакиева—Штрауса), но не город XIII века.

Да, есть и такие мнения. Историки разберутся, я пишу не историю, а воспоминания, ностальгические воспоминания. Для тех, кто этим живо интересуется, в конце книги есть небольшая статья со всеми ссылками на источники.

Разумеется, есть и различные уточнения рассказов, легенд и домыслов.

Например:

Монетный двор не был найден при строительстве погранучилища в 1980-х. Артефакты обнаружили случайно: местная жительница принесла две монеты в Археологический музей АН КазССР в 1979 году, сообщив, что они из клада (10—12 экземпляров), найденного при земляных работах на территории училища.

Ключевая монета с чётким указанием места чеканки («Чеканен этот дирхем в Балад Алматы») была получена нумизматом лишь в 1990 году от московского коллекционера, купившего её у приезжего «с юга».

Археологический контекст:

Территория погранучилища включает часть средневекового городища, датируемого XIII веком (эпоха Чагатаидов). Однако физических остатков монетного двора не обнаружено – вывод о его существовании сделан исключительно на основе редких монет с уникальными тамгами, ареал находок которых ограничен Алматинской областью.

По другим источникам, информация о ключевой монете с надписью «Чеканен этот дирхем в Балад Алматы» служат исследования нумизмата В. Н. Настича, описанные в статьях на Vernoye-Almaty.kz. Вот детали:

1. Обстоятельства находки монеты в 1990 году

В 1990 году московский коллекционер А. А. Койфман приобрел у приезжего «с юга» (из Узбекистана или Казахстана) два дирхема. Один из них содержал четкую круговую легенду на оборотной стороне: «Чеканен этот дирхем в Балад Алматы в году...».

Монета была покрыта патиной, имела диаметр 22 мм и вес 1,87 г. Надпись выполнена почерком «наسخ», а грамматическая ошибка в слове «балад» (использован женский род вместо мужского) характерна для монетной чеканки эпохи Чагатаидов.

Научное значение монеты

Эта находка стала ключевым доказательством существования монетного двора в средневековой Алматы (XIII век). До этого все известные дирхемы с тамгами Семиречья не имели четкого указания места чеканки.

-ниворп»Жермин «балад» (араб. ببلد) мог означать не только «город», но и «область» или «район». Однако сочетание с топонимом «Алмату» однозначно указывает на локализацию в районе современного Алматы.

Монета относится к периоду денежной реформы Масуд-бека (1271—1272 гг.) и чеканена около 684 г. хиджры (1285/86 гг. н.э.).

Упомянутая в тексте ссылка на эти гипотезы соответствует работам В. Н. Настича, опубликованным на портале Vernoye-Almaty.kz (разделы об Алматы как монетном дворе XIII века). Эта монета – материальное подтверждение статуса Алматы как административного центра в эпоху Чагатаидов, что позже легло в основу признания ЮНЕСКО 1000-летнего возраста города.

1.3. Верный – не начало, а продолжение

В 1854 году русские войска построят форт Заилийский, позже ставший городом Верный. Он встанет на плечи Алматы, не зная об этом. Они сдвинут землю, поставят деревянные казармы, а под ногами у солдат будет лежать история, которой 600 лет.

А потом, в XX веке, кто-то снова найдёт дирхем в земле – и поймёт: Верный – не начало. Просто новая глава города, который жил здесь задолго до того, как появились карты Генштаба.

Таким образом, Алматы следует рассматривать как исторически преемственный город, наследующий традиции средневекового поселения Алматы. Археологические и нумизматические данные позволяют утверждать о существовании здесь городского ядра уже за 1000 лет до основания крепости Верное. Это открывает новые горизонты для историко-культурного осмысления Алматы не только как административного центра, но и как многовекового культурного пласта.

Список источников, использованных в этой части

1. Акишев К. А. Археологические памятники Жетысу. – Алматы: Наука, 1985. – С. 137—142.
2. Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1993. – С. 264.
3. Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. – Алматы: Gylym, 2001. – С. 112—115.
4. Ерзакович Л. Б. Средневековая архитектура Казахстана. – Алма-Ата: Искусство, 1979. – С. 83.
5. Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Исследования городища Талхир. // Археология Казахстана. – 1982. – №3. – С. 33—47.
6. Байпаков К. М. Городская культура Казахстана эпохи средневековья. – Алматы: Наука, 1998. – С. 56.
7. Сагалаев А. М., Булатова З. А. Монеты Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1980. – С. 127—131.

1.4. Город, в котором звенели копыта и играли шарманки

«Верное начала XX века пахло тополем, хлебом и дёгтем. Гремели колёса по булыжникам, дети босиком гоняли обручи, а на базаре можно было услышать и немецкую речь, и уйгурские песни».

В 1900-х годах Верный рос уже не как военное укрепление, а как полноценный город. Его строили руками ссыльных, купцов, учителей, аптекарей. На улицах появились:

телефон (с 1907 года);

трамвай на конной тяге;

а затем и первый автомобиль, привезённый купцом Воеводиным – чёрный «Опель», рычащий и пугающий лошадей.

– Это чёртова телега без коней! – возмущалась прабабка Лидия Ивановна. – Но господин Воеводин уверял: за этим будущее.

На углу нынешних улиц Жибек Жолы и Панфилова шарманщик крутил свою коробку, и дети, уставившись в яркую картинку на боку, замирали. Они ещё не знали слова «кинематограф», но уже чувствовали – город входит в XX век.

Школы, книги и первый театр

«Кто учится, тот строит страну. Кто читает – меняет будущее».

С 1870-х годов в Верном появлялись училища:

Женская гимназия, где преподавали танцы, французский и арифметику.

Мужская гимназия, чьи выпускники стали первыми инженерами, врачами и учителями в Семиречье.

В 1913 году был открыт дом общественного собрания, где шли первые любительские спектакли, выступали оркестры, а затем – кино. Киношные плёнки везли из Омска или Ташкента, и дети караулили афиши, как вестников будущего.

Этнический калейдоскоп

«Город был пёстрым, но не враждебным».

Русские, украинцы, татары, дунгане, уйгуры, немцы – Верный был по-своему толерантным. Каждый уголок имел свой колорит:

Татарская слободка с мечетью и базаром;

Немецкие кварталы с аккуратными палисадниками;

Дунганский квартал, где пахло кунжутом и чесноком.

В классе было, например, семеро наций, но все пели гимн одной школой, ели из одной миски на перемене, и только бабушка дразнила его:

– Ты опять дружишь с тем дунганёнком, у него ж одежда странная!

– А у тебя бант – как парашют, зато всё равно гуляешь со мной!

1916 год: восстание, страх и трещины в мире

«Тишина перед бурей была слишком долгой».

Летом 1916 года в городе и окрестностях вспыхнуло восстание. Реквизиции, насильственный набор на тыловые работы, нищета, неравенство. Началось с того, что крестьяне перестали платить налоги. А потом – сожжённые дома, беженцы, взаимная жестокость.

Многие улицы Верного хранили на себе следы – выжженные стены, запертые лавки. И хотя вскоре всё затихло, трещина в доверии осталась.

Революция и молодая столица

«1917-й перевернул карту страны, но Верное не исчезло – оно стало другим».

Когда пришла революция, город замер. Казачьи заставы опустели, лавки закрылись. Но потом – как в бурю – потянулись новые люди: агитаторы, инженеры, комсомольцы с пыльными чемоданами и книжками Маркса под мышкой.

1921 год: город получил новое имя – Алма-Ата, «отец яблок», как говорили романтики-этимологи, но абсолютно непонятное наименование для ребят из аулов.

1927 год: столица переезжает сюда из Кызыл-Орды, и Алма-Ата оживает – как юноша, внезапно оказавшийся на сцене перед тысячами глаз.

1930-е: строятся школы, клубы, троллейбусное депо, и между саманными избами вдруг вырастает строгий конструктивизм – здание Правительства, дом специалистов, кинотеатр «Аламаты».

– Город был как юный поэт, – худой, пыльный, но полный надежд. Люди носили на руках кирпичи, рисовали плакаты, ели хлеб с солью – и мечтали.

Война и эвакуация

«Вместо поэтов – артиллеристы. Вместо вальсов – радиосводки».

С началом Великой Отечественной войны сюда прибыла волна эвакуированных:

ленинградские заводы;

театры из Москвы;

целые семьи, говорящие на другом, но теперь общем языке боли.

Тут, в Алма-Ате, родились кадры легендарного фильма «Иван Грозный». В домах на проспекте Фурманова ютились звёзды МХАТа, а в тесных классах учили наизусть Лермонтова.

1.5. Ритм рельсов и асфальта

Хроника транспорта:

7 ноября 1937: Первый трамвай. Вагоновожатый Жапаркуль Алпыспаев вёл состав мимо яблоневых садов. Рельсы звенели, как колокольчики на «Тёщином языке».

20 апреля 1944: Троллейбус №1. Шелестел по Гоголя. Билет стоил 3 копейки – дешево даже для СССР!

1927: Автобус «Форд» на линии Медеу – Джаркент. К 1982-му 1000 машин перевозили 328 млн пассажиров.

Д. Кунаев и эпоха подъёма

«Кунаев сделал город взрослым».

С приходом Динмухамеда Ахмедовича Кунаева в 1960-е Алма-Ата менялась почти каждую весну.

Проспект Ленина стал казахстанским Бродвеем: фонари, фонтаны, витрины, бронзовые герои. Кафе «Карлыгаш» стояло у оперного театра, где продавали самое вкусное мороженое в мире. В «Театральном» собирались «центровые» ребята – с гитарами, кепками и мечтами. А в «Акку» пили напитки в белых чашках и обсуждали Высоцкого, Хамса и что будет с миром после Брежнева.

– Мы не были богаты, но город был красив, как девушка на выпускном. Платья сшиты вручную, но в каждом – гордость.

В это время построили:

гостиницу «Казахстан» – 26 этажей стекла и амбиций;

Медеу – каток над облаками;

селезащитную плотину – где школьники летом собирали цветы и искали «чёртовы пальцы» (каменные окаменелости);

телебашню на Кок-Тобе – маяк нового века.

1.6. Алма-Ата 1970-х: Город юности

«Если ты не бегал босиком по арыкам, ты не жил в этом городе».

А между ними – тайные тропы, гаражи, футбольные коробки и первая сигарета «Прима» под запах акации.

– Мы любили город вслепую. Не за архитектуру, а за моменты: как отец несёт велосипед по лестнице, как мороз трещит на остановке у Карлыгаша, как весь класс едет кататься на Кок-Тобе.

1.7. Наследие Медеу. От сиротского приюта до ледового гиганта

Когда в семьдесят с лишним лет оглядываешься назад, вдруг ясно понимаешь: названия, к которым мы привыкли с юности – Медео, Первомайские озёра, Талгарский тракт, – это не просто точки на карте. Это живая ткань памяти. За ними стоят судьбы людей, чей истинный масштаб мы в молодости не всегда умели разглядеть.

Для нас это были места отдыха, студенческих поездок, разговоров до рассвета. А теперь, с высоты прожитых лет, они встают как страницы большой истории края.

Медеу Пусурманов – хозяин ущелья

Имя Медеу Пусурманова сегодня известно каждому, но кем он был на самом деле? Выходец из рода Шапрашты, человек редкой воли и дальновидности. В конце XIX века, когда Верный только начинал обретать черты города, он уже видел будущее этих горных земель.

В 1890-е годы Медеу обратился к губернатору Семиречья с просьбой разрешить строительство в Малоалматинском ущелье. Тогда это были дикие, суровые места, но для него – пространство созидания. Прошение удовлетворили без лишней волокиты, и вскоре одна за другой выросли три добротные деревянные избы. Так в памяти верненцев они и остались – дома Медеу.

Он не замыкался в частной усадьбе. Его дома были открыты для путников, учёных-натуралистов, паломников. Здесь находили приют и тепло. Медеу одним из первых начал системно озеленять предгорья: высаживал берёзы, дубы, хвойные деревья, превращая суровые склоны в живой, дышащий оазис.

Его авторитет был непререкаем. В сложные времена он становился посредником между местным населением и городской администрацией, стараясь сохранить мир и порядок. Губернатор Колпаковский относился к нему с большим уважением и нередко обсуждал с ним важные вопросы.

Приютские озёра – память о милосердии

Мы знали их как Первомайские озёра. Ездили туда студентами – купались, смеялись, спорили о жизни. А старожилы помнили другое имя – Приютские. И за этим названием скрывается особая история.

Один из сыновей Медеу, старший Жайшибек, продолжая дело отца, организовал здесь сельскохозяйственный приют для сирот – детей, оставшихся без крова после восстаний и эпидемий. Это был не казённый приют, а дом, где детей учили труду, заботе о земле, уважению к природе. Верили, что именно труд и чистый горный воздух способны исцелить детскую душу.

После 1917 года приют исчез, название сменили на безликое «Первомайское». Но в тишине этих вод навсегда растворилась память о милосердии и ответственности казахской степной элиты.

Род и продолжение дела

О родителях Медеу известно немного. Говорили, что его отец был батыром, защищал родные земли, имел тяжёлое ранение – шрам во всю шею – и рано ушёл из жизни, оставив трёх сыновей: Куртибая, Медеу и Батырбека. Именно средний сын прославил род делами, о которых помнят до сих пор.

Старший сын Медеу – Жайшыбек – учился в Верненской мужской гимназии, дружил с будущим революционером Тохтаром Бокином. По его инициативе был проложен водопроводный канал «Каратоган» протяжённостью около 20 километров, в народе до сих пор известный как Жайшыбек арыгы.

По воспоминаниям Рахметоллы Батырбекова, внука Батырбека, отец Динмухамеда Ахметовича Кунаева с большим уважением относился к Медеу и его делу. Об этом в семье не говорили вслух – не принято было афишировать. Лишь после смерти бабушки стало ясно, насколько глубокой была эта связь: Д. А. Кунаев пришёл на похороны и на сороковины – тихо, по-человечески.

От зимовки – к символу эпохи

Свои дома в ущелье Медеу задумывал как зимовку, но семья жила там и летом. На жайлау паслись отары овец, табуны отборных лошадей. По преданию, когда они пили воду из верхнего озера «Кім асар», мелели реки, вытекающие из него.

Зимой возле белой двенадцатиканатной юрты Медеу заливали каток. Дети катались, кто как мог, на самодельных полозьях, смеясь и падая. Юрта простояла здесь до середины 1930-х годов, пока этнографическая экспедиция из Ленинграда не увезла её как музейный экспонат.

Позже на месте домов появился Дом отдыха «Медеу», затем гостиница, и лишь потом – каток, ставший всемирно известным высокогорным спортивным комплексом.

Мостик в сегодняшние дни

Теперь, глядя на ледовый стадион «Медеу», я думаю о том, как странно и справедливо распорядится история. Частная усадьба стала мировым спортивным символом. Дома исчезли, земли были национализированы, но имя осталось. И горный воздух, который так ценил Медеу Пусурманов, по-прежнему служит людям – помогает ставить рекорды.

Мы, студенты, радовались стипендии, играли в преферанс, не задумываясь, по какой земле ходим. Лишь с годами приходит осознание: эти места создавали люди-атланты, строившие не для себя, а для будущего.

Медеу Пусурманов ушёл из жизни в 1908 году, прожив 58 лет. Он оставил после себя не только дома и рощи, но и двадцать детей – двенадцать сыновей и восемь дочерей. Всем дал образование, всех приучил к труду, земле, наукам и культуре.

Для меня, человека, выросшего в Талгаре, это наследие – источник тихой гордости и благодарной памяти.

1.8. Свет в окнах дома на Казарменной. Память о деде

Этот рассказ – не просто глава из истории Семиречья. Для меня это страница семейной летописи, написанная не чернилами, а судьбой. Байбулан-ата, родной дед моей супруги Райхан, – это та живая нить, которая связывает наше сегодня с тем ушедшим навсегда миром Верного. Я пишу о нём не как историк, а как хранитель памяти, которая передаётся через поколения, всё так же, как передавались когда-то под его крышей поэтические строки великих акынов.

История нашего края на рубеже веков – это не сухие даты. Это история людей, которые строили новый мир на стыке степных традиций и городской жизни. Род Жиенкуловых принадлежал к тем казахским семьям, что сумели найти себя в меняющемся времени. Выходцы из Каркаралинского уезда, они прошли путь от скотоводов к признанным предпринимателям. А сам Байбулан, перебравшись в Верный, стал не просто купцом второй гильдии, чей торговый оборот поражал масштабами, а настоящей опорой зарождающейся городской элиты. Он был гласным городской Думы, и его голос был важен при решении судеб растущего города.

Если бы дома умели хранить не только стены, но и образы прошлого, то особняк на Казарменной улице показал бы нам удивительную картину. На рубеже XIX и XX веков здесь, в сердце Верного, переплелись две эпохи. Хозяин дома, Байбулан Джиенкулов, сам был воплощением этого переплетения. Его деловой размах говорил об успехе в новой, «европейской» системе координат. Но истинным его призванием было не столько накопление, сколько служение – культуре и людям.

Его дом был не просто особняком, а живым культурным центром. Здесь, в 1909 году, стены слышали звучные строки великого Жамбыла и острый ответ Шашубая. Эта деталь, сохранённая для нас историками, красноречивее любых документов говорит о роли Байбулана-ата. Он не просто спонсировал культуру; он создавал живое пространство, где дух нации продолжал дышать, творить и состязаться. Он был тем меценатом, в чьих гостиных пульсировала духовная жизнь нации, где акыны, как и века назад, состязались в мудрости, но уже под крышей верненского дома.

Особое место в нашей семейной памяти занимает предание о его родственных связях. Оно, как эхо, нашло своё подтверждение и в исторических источниках: Байбулан был женат на сестре самого Кунанбая – отца Абая, и состоял в родстве с султаном Тезеком. Для нас, потомков, это не просто строчки в родословной. Эти связи означали, что он был органичной частью самой сердцевины казахской духовной и социальной элиты, где деловая хватка сочеталась с глубочайшим уважением к традициям. А его последнее пристанище – могила рядом с мавзолеем батыра Райымбека – стала для последующих поколений неммым, но красноречивым свидетельством того почёта, которым он пользовался при жизни.

Однако за этим светом всегда красалась тень. Эпизод с его братом Баймолдой, который попытался вступить за правду перед лицом полицейского произвола и сам же был наказан, словно предвещал будущую трагедию. А она была неумолима.

Весной 1918 года декрет новой власти конфисковал всё имущество. Это был не просто финансовый крах. Это был конец целого мира. Это момент, когда захлопнулись ставни в доме

на Казарменной, когда умолкли голоса акынов, а созданное тяжёлым трудом нескольких поколений было обращено в прах. Мира, где предпринимательская смекалка уживалась с благотворительностью, где городской статус не противоречил степному происхождению. Коллективизация и репрессии 30-х годов довершили разорение, развеяв по ветру то, что создавалось поколениями. Это была гибель не класса, а целой вселенной – того хрупкого и красивого мира, который пытались построить такие люди, как Байбулан-ата, на стыке традиции и прогресса.

Сегодня, глядя в глаза своей супруге Райхан, я иногда думаю, как тонка нить памяти. Всего одно поколение отделяет нас от того света в окнах того самого дома. Его история – это наша история. Это история не только о потере, но и о сопротивлении забвению.

Вспоминая Байбулана Джиенкулова, мы вспоминаем не только успешного купца. Мы вспоминаем целую эпоху – хрупкую, яркую и безвозвратно утраченную. Эпоху, когда в Верном пытались строить иное будущее. Его история – это ностальгический вздох о том альтернативном пути, который был возможен, о том свете городской казахской культуры, который едва разгорелся, но был безжалостно потушен вихрем истории.

Вспоминая Байбулана-ата, мы не просто отдаём долг уважения предку. Мы бережно собираем осколки того разбитого зеркала, в котором когда-то отражалось целое и ясное лицо нашей культуры – предприимчивой, щедрой, поэтической и гордой. И потому память о нём – это не просто дань уважения, а грустное и светлое воспоминание об исчезнувшей стране, которой больше нет. В этом воспоминании живёт надежда, что дух, когда-то собиравший под своей крышей лучшие голоса степи, не угас окончательно, а лишь ждёт своего часа, чтобы зазвучать снова – уже в памяти и сердцах потомков.

1.9. Исчезающий город

Алма-Ата семидесятых... Она теперь как старая фотография, чуть тронутая сепией. Не портрет, а именно снимок – с размытыми краями, с бликами от солнца, с случайно попавшим в кадр прохожим, которого ты уже не помнишь. Иногда, проходя по нынешним широким проспектам, я закрываю глаза. И тогда сквозь шум машин проступает иной звук – скрип трамвайных рельс, смех у киоска с газетами, вздох города, который ещё не знал, что станет другим. Он живёт во мне. Не в камне, не в названиях улиц – а в изломах собственной судьбы. Я – его последняя карта. Когда не станет и меня, исчезнет и тот, старый город. Останется только ветер с гор – тот самый, что трепал наши волосы.

«Город – как песня: если её не поют, она уходит».

В конце 1980-х, как будто подтаявшая плёнка кино, начали исчезать детали.

Трамваи – скрипучие, уютные – ушли в 2015-м.

Карлыгаш – закрыт.

Апортовые сады – вырублены.

И даже шарманщик больше не появлялся в парке.

Но остался Пугасов мост, остался дуб на Зверева, осталась тишина раннего утра, в которой город всё ещё шепчет:

– Я здесь. Просто другой.

Алма-Ата 1990-х: Время, когда город стал молчать

«Ветер в разбитых витринах, свёрнутые афиши, но горят окна – значит, живы».

Наступили 1990-е. И город будто затаил дыхание.

Витрины покрылись пылью, вывески «Гастроном №12» сменили на «Еркетай», а потом – просто на ткань с надписью маркером. В центре стало много тишины. Не как в библиотеке – как в цеху, где отключили ток. Но даже тогда он не умер. Он ждал.

В Медеу больше не ездили массово – дорого.

На Гоголя вместо карусели – рынок.

На углу Желтоксан и Курмангазы поставили бетонные блоки – всё время чего-то ждали.

* – Было ощущение, что город стал старше нас. Он выстоял 30-е, войну, «целины», но вот теперь он задумался: кто я?*

Переход. Алматы. Город с новым паспортом

«Столица уехала, но сердце осталось здесь».

1997 год. Столицу перенесли в Акмолу, потом – в Астану. Это был символ: Алма-Ата уступила сцену, но не забыла текст своей роли. Переименование в Алматы многие восприняли как вежливое прощание с юностью.

– Мол, теперь вы взрослые, теперь будет по-другому.

Но город начал меняться:

Протянули метро, будто заново соединили город под землёй.

Построили новые жилые комплексы, но старые пятиэтажки стояли – как быки, упершись лбами в небо.

Вернули яблоки – уже из супермаркета, не с дерева, но всё же...

Новая Алматы: стекло, бетон и старая музыка в наушниках

«Мальчик в худи идёт по Абая. Он не знает, что под ним – старый арык, где мы ловили жуков».

Сегодня Алматы – город вертикальный. Небоскрёбы отражают закат, как лезвия. «Папа сказал, что раньше тут был кинотеатр, но я не верю».

– А мы верим. Потому что это был наш город. Мы говорили с ним на ты. Мы писали на стенах. Мы целовались на лавках. Мы забывали ключи у подруг. Мы жили.

И город помнит. Если свернуть с Назарбаева на крошечную улочку – можно найти дом, где до сих пор сидит старушка с самодельной табличкой «Квас». Если прислониться к стене на проспекте Абая – ты услышишь, как скрипит арматура: это голос старой Алма-Аты.

Вместо эпилога

«Ты возвращаешься в город. Он другой. Но ты всё равно идёшь – по памяти».

Города не умирают. Они прячутся – в стенах, запахах, кривых лестницах, в словах на казахском, русском, уйгурском, дунганском. Алматы – город памяти. И пока кто-то вспоминает, он жив.

Ты не обязан помнить, где стоял кинотеатр «Родина».

Но если однажды снег напомнит тебе о детстве —

Значит, ты дома.

1.9. Фотографии Алматы

Фото из <https://www.the-village-kz.com/village/weekend/best-of-web/17711-retro-alma-ata>.

Следующие фото Pavel Tenyakov Photography. Официальный сайт фотографа Павла Тенякова <http://www.tenyakov.com/>.

Улица Пастера (Макатаева).
Остановка «Зеленый базар», 70-е годы*

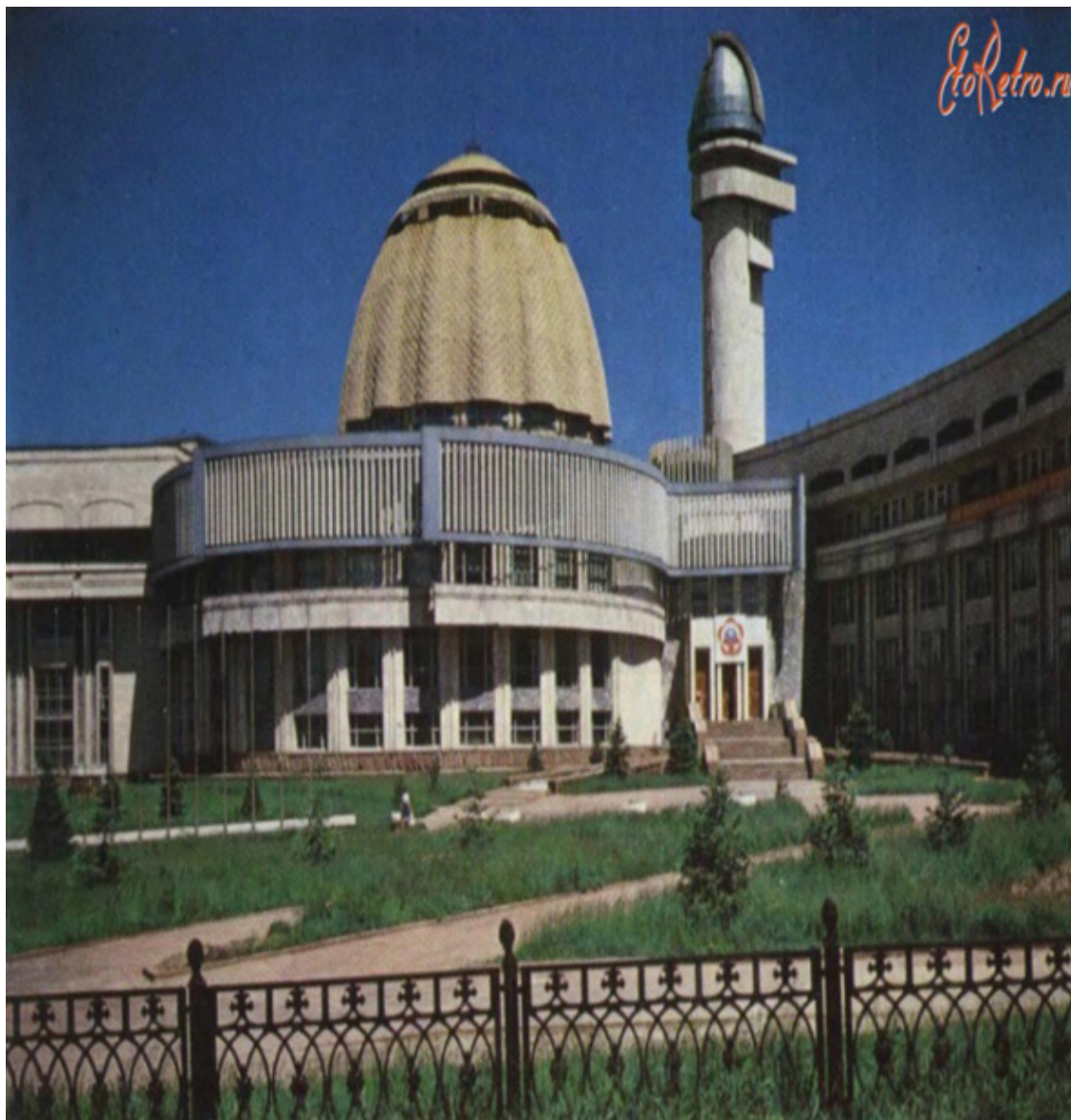
ЦУМ. 1975 год.

Казахский государственный академический театр оперы и балета имени Абая. Театр не поменял ни имя, ни фасад с тех пор. (1957)

Республиканский дворец пионеров.

Улица Горького (Жибек жолы), дом ткани «Қызыл Таң» (1955)

Центральный стадион, 1973 г.

ГЛАВА 2. СТУДЕНЧЕСКАЯ АЛМА-АТА 70-Х: ВОСПОМИНАНИЯ С ТЕПЛОТОЙ И ЛЮБОВЬЮ

2.1. Студенческие вселенные

Что такое молодость? Это не возраст в паспорте. Это когда твой мир помещается в тетрадный листок, запах осеннего дождя на проспекте и три аккорда на гитаре. Это когда будущее – не абстрактное «завтра», а конкретный завтрашний рассвет, который ты обязательно встретишь с друзьями.

Мы были бедны деньгами, но богаты временем. У нас его была вечность. Мы могли часами говорить ни о чём и обо всём сразу, и каждое слово казалось важным, как строка из святого писания. Теперь время сжалось, стало экономным и быстрым. Но где-то в закоулках души таится тот самый студент, который всё ещё верит, что главное – не сдать экзамен, а дожить до утра, споря о Боге и любви.

Сажу вечером у окна, зелёный чай с мёдом, за окном тишина, а в голове – шум тополей, грохот троллейбусов и смех, застрявший где-то между лестничными пролётами и горными склонами. Алма-Ата... Сколько лет прошло – а будто вчера это было. Молодость живёт не только в паспорте, она в душе, в каждом уголке памяти.

Алма-Ата конца 1970-х была не просто столицей Казахской ССР – это была вселенная, где каждый ветер нёс запах снега с пиков Тянь-Шаня, а улицы утопали в зелени старых лип и тополей. Сюда стекалась молодёжь со всего Союза: с Урала, с Кавказа, с Балтики. Кто-то приезжал стать врачом, кто-то – учителем, кто-то – инженером будущего. А кто-то – просто чтобы жить полной грудью в этом зелёном городе, где каждый закат окрашивал заснеженные пики в розовый цвет.

Город ещё не знал бетонной лихорадки будущих десятилетий. Алма-Ата оставалась уютной, почти провинциальной столицей – с широкими бульварами, обрамлёнными карагачами, деревянными домиками на окраинах, где за заборами цвели яблони, троллейбусами, медленно

карабкающимися вверх по проспекту Дзержинского. Везде витал аромат свежих яблок, напоминая о её имени – «отец яблок».

По утрам город просыпался под звон трамвайных звонков. Проспект Ленина растягивался от парка Панфиловцев до предгорий, словно стрела, нацеленная в сердце Заилийского Алатау. Арки журчали вдоль тротуаров, неся прохладу с гор прямо в центр города. На углу Калинина и Коммунистической благоухала липовая аллея – здесь влюблённые назначали первые свидания, а студенты спешили в библиотеки с потрёпанными сумками через плечо.

Зелёный базар по субботам превращался в настоящий восточный караван-сарай. Здесь можно было купить дыни, от аромата которых кружилась голова, душистые яблоки из Заилийских садов, курт и катык от бабушек в ярких платках. А какие лепёшки пекли в тандырах! Их запах разносился на весь квартал, смешиваясь с ароматом шашлыка и свежих лепестков роз, которые продавали на каждом углу.

Парк имени Горького был зелёным сердцем города. Здесь, под сенью вековых дубов и тополей, студенты готовились к экзаменам, читали стихи и строили планы на будущее. Летними вечерами в парке играл духовой оркестр, а влюблённые пары кружили в вальсе под звёздным небом, над которым величественно возвышались снежные пики Алатау.

В те годы вузов было не так много, как сейчас – но каждый был как отдельная планета со своими героями, законами и неповторимым духом.

КазГУ имени Кирова царил как интеллектуальная элита города. В его аудиториях рождались не просто дипломы, а мысли, способные изменить мир. Физики до утра спорили о квантовой механике и далёких звёздах, философы штурмовали вершины Канта и Гегеля, а поэты читали стихи на лестничных пролётах, словно вызывая на дуэль саму вечность. Студенты КазГУ ходили с особой гордостью – знание делало их выше, свободнее, неуязвимее для серости окружающего мира.

КазПИ имени Абая был колыбелью будущих педагогов. Здесь пахло мелом, старыми книгами и какой-то особенной добротой. Девушки в лёгких платьях, с волосами, заплетёнными в косы, вечерами перечитывали Пушкина и Чехова, затаив дыхание. В их тетрадках между лекциями прятались стихи, мечты, имена... Это был мир тишины и глубины, где каждое слово великих писателей отзывалось в молодых сердцах.

Политехнический институт воспитывал инженеров с золотыми руками. Эти серьёзные парни могли не только начертить сложнейший чертёж, но и спаять приёмник, починить мотоцикл, собрать радиоприёмник из подручных средств. У них была своя гордость – не в словах, а в конкретных делах. Они строили будущее и знали: их мосты и заводы переживут века.

Медицинский институт был недосягаемым Олимпом. Попасть туда означало выдержать жестокий конкурс, а учиться – значило забыть о сне и покое. Студенты-медики уже на первом курсе пахли йодом и эфиром, словно предчувствуя свою миссию. Девушки в белых халатах склонялись над учебниками анатомии, изучая тайны человеческого тела, готовясь спасти жизни. Они выживали на крепком кофе и сгущёнке, но глаза их горели особым светом – светом призвания.

Консерватория имени Курмангазы была музыкальной душой города. Отсюда лились звуки скрипок и домбр, фортепиано и человеческих голосов. Студенты-музыканты жили в своём мире нот и мелодий, для них весь город звучал как одна большая симфония. Проходя мимо консерватории, невольно останавливался: из распахнутых окон лилась музыка, и вдруг понимал – вот оно, настоящее счастье.

Институт иностранных языков был окном в большой мир. Сюда стремились романтики и мечтатели. Студенты, чьи тетради были исписаны французскими спряжениями и английскими временами, а глаза полыхали мечтами о Париже и Нью-Йорке. Они не просто зубрили грамматику – они учились дышать свободой других культур, впитывали дух далёких стран через строчки Шекспира и Мольера.

Женский педагогический институт был словно хрупкий букет из сирени и белых лилий – нежный, но полный внутренней силы. Сюда приходили девушки с глазами, полными веры в светлое, с тетрадками, исписанными педагогическими теориями и цитатами из Ушинского. Они мечтали не о громких трибунах, а о маленьких ручонках, тянущихся к книжке, о первом самостоятельном слове, о детском смехе в школьном классе. Их мечта была тихой, как шуршание мела по доске, но сильной, как веры в то, что каждый ученик – это будущее.

Зооветеринарный институт здесь учили не только лечить животных – здесь учили слышать их молчание, понимать боль в глазах коровы или дрожь в теле щенка. Студенты в белых халатах смотрели в будущее не с блеском в глазах, а с твёрдой решимостью в руках. Они были будущими спасителями, теми, кто в дождливую ночь придет в деревню, чтобы помочь телёнку родиться, кто проведёт операцию при свете керосиновой лампы.

Сельскохозяйственный институт был пронизан запахом свежеспаханной земли и хлебного духа. Его стены помнили голоса агрономов, мечтавших не о славе, а о высоком урожае, о том, чтобы в каждом доме был хлеб. Здесь чертили схемы севооборотов, изучали почвы, как поэты – строки, и видели красоту в золотистых полях пшеницы, колыхавшихся под ветром. Эти студенты знали: их труд – не на показ, он в корнях, в плодах, в жизни, выращенной в поте лица.

А Институт народного хозяйства был как большой умный дом, где каждый этаж – отдельная мысль о том, как устроить жизнь людей. Здесь учили считать не только цифры, но и судьбы. Экономисты в очках, с карандашами за ухом, спорили о планах, о распределении ресурсов, о справедливости. Они мечтали построить систему, где каждый труд будет оценён, где не будет голода и холода. Их мечта была сухой на вид – в таблицах и графиках, – но внутри горела живым огнём заботы о народе.

Нас всех объединяло одно: мы были частью этого удивительного города, этой эпохи, этой мечты о будущем.

Романтика общежитий

Не все жили в общегагах – кто-то снимал комнаты, кто-то жил у родственников. Но те, кто прошёл через общежитскую жизнь, знают: это была особая вселенная со своими законами, радостями и печалью.

Тесные комнаты на четверых, а то и шестерых. Железные кровати скрипели под тяжестью не только тел, но и мечтаний. Шкафы стояли в ряд, как солдаты, а на стенах красовались географические карты СССР с булавками, воткнутыми в родные города, вырезки из журнала «Юность», стихи Есенина, переписанные от руки.

Гитара за восемь рублей была роскошью – почти четверть стипендии! Но если она появлялась в общегаге, весь коридор оживал. Звучали песни Высоцкого и Окуджавы, «Звездочка моя ясная» и «Ветер с Каспия», а кто-то сочинял свои мелодии, которые потом пели всей общегагой.

Кухня была центром мироздания. Здесь в два часа ночи можно было встретить философа с гитарой, будущего химика с самодельным аппаратом для очистки спирта и дипломата, читающего Бродского шёпотом. Картошка в помятых кастрюлях, макароны по-флотски, чай из эма-

лированных кружек – такова была наша кулинарная поэзия. Сгущёнка делилась по ложечке, как священное причастие.

Очередь в душ растягивалась на полтора часа. Но и это время не пропадало зря: спорили о смысле жизни, пели песни, читали стихи. Здесь ссорились из-за мелочей и мирились за чашкой чая, находили друзей на всю жизнь.

В этом городе любовь была особенной – робкой, юношеской, чистой. Она приходила неожиданно: через взгляд в аудитории, через случайную встречу в библиотеке, через песню под гитару в парке.

Ветеринар из глубинки влюблялся в будущую учительницу литературы. Политехник терял голову от инязовки, мечтающей о Париже. Философ с КазГУ писал стихи поэтессе из педагогического. Эти чувства были другими – без спешки, без цинизма. Первое свидание в буфете университета за какао с печеньем. Первое признание у фонтана на проспекте Абая при свете фонаря. И обязательно – песня под гитару, от которой замирало сердце.

Не было тогда мобильных телефонов и интернета – только глаза, руки, голос. И вера в то, что это навсегда. Записки передавались через друзей, письма писались на перемене между лекциями. Влюблённые гуляли по набережной арыка, делились мечтами под шелест тополей, строили планы на будущее под звёздами, которые в чистом алматинском небе казались особенно яркими.

Встречались в парке Горького, где фонтаны пели свои водяные песни, на Медео, куда ездили на свидания с термосом чая и бутербродами. Любовь была частью города, частью эпохи, частью нас самих.

2.2. Ритм студенческих дней

Учебный день начинался с грохота троллейбусов и первого звонка. Аудитории с деревянными партами, исцарапанными поколениями студентов, мел на доске, портрет Ленина в углу. Преподаватели – серьёзные, в очках, многие из них ветераны войны, которые учили не только предмету, но и жизни.

Стипендия – 30—35 рублей для обычных студентов, а у горняков и металлургов – целых 50! На эти деньги можно было купить хлеб, книги, билет в кино. Беляш с Зелёного базара за 15 копеек был роскошью, а его луковый запах мгновенно выдавал лакомку.

Мы ездили зайцами на троллейбусах, выскакивая на поворотах, чтобы сэкономить три копейки. Трамваи и автобусы гремели по городу, а мы, молодые и беззаботные, считали себя хозяевами этих улиц.

Культура подполья и открытых сердец

Досуг был простым, но настоящим. КВН и концерты ВИА в актовом зале собирали полные залы. Шутки про деканов, про общагу, про студенческую жизнь – смех до слёз, аплодисменты до боли в ладонях.

Музыка жила в подполье и на свету одновременно. На Барахолке продавали «ризографы» – пластинки, записанные на рентгеновской плёнке. В тёмных комнатах, за задернутыми шторами, мы слушали Beatles и Pink Floyd как молитву. «Hey Jude» звучала как гимн поколения.

Походы в горы были священным ритуалом. Медео с его ледовой ареной, Чимбулак с подъёмниками, Большое Алматинское озеро с его космической синевой, Капчагайское водохранилище – наши маршруты выходного дня. Рюкзаки, хлеб, картошка, запечённая в золе, разговоры о любви и будущем под звёздами – вот наша настоящая учеба.

Кинотеатр «Арман» мигал неонами, обещая встречу с большим искусством. «Сталкер» Тарковского, «Ирония судьбы» – и весь зал плачет и смеётся одновременно. Театр имени Ауэзова, где каждое слово било прямо в сердце.

Поэтические вечера в Доме молодёжи, самиздат – Булгаков, Солженицын, Пастернак, которых передавали из рук в руки как тайные послания. Журналы «Иностранная литература», «Новый мир» зачитывали до дыр. А в подвалах и клубах ставили спектакли по Беккету и Ионеско для трёх зрителей и бутылки портвейна.

Мозаика народов

Алма-Ата была удивительно интернациональной. В аудиториях сидели казахи и русские, украинцы и уйгуры, немцы и корейцы, поляки и татары. Говорили на русском, но в разговор вплетались слова родных языков. На переменах можно было услышать спор на трёх языках одновременно, а в столовой – попробовать баурсак, борщ, лагман, манты и голубцы.

Это был настоящий плавильный котёл культур, где каждый оставался собой, но становился частью чего-то большего – советского, алматинского, студенческого братства.

Двойная жизнь эпохи

Наша студенческая жизнь была пропитана удивительной двойственностью. С одной стороны – идеология: портреты Ленина, комсомольские собрания, субботники, рефераты о съездах партии. С другой – внутренняя свобода, которую никто не мог отнять: стихи о любви в тетрадах, философские споры до утра, музыка Beatles за закрытыми дверями.

Мы ездили в стройотряды на Целину, в Талды-Курган, работали за идею и комсомольскую путёвку. Но ночью у костра пели совсем другие песни и мечтали о совсем других вещах.

2.3. Эпилог: что осталось в сердце

Если бы вы стояли у здания КазГУ морозным рассветом 1978 года, вы бы увидели: девушку в длинном пальто, спешащую на лекцию с томиком Пушкина под мышкой; парня с гитарой, идущего в общагу после ночи в библиотеке; профессора, курящего «Казахстанские» у входа; запах свежего хлеба из булочной на углу. И где-то вдали – звук гитары, пробивающийся сквозь морозный воздух.

Так жила молодость. Так жила надежда.

Студенческая Алма-Ата 1970-х – это не просто страница истории. Это живая память о времени, когда люди умели мечтать вопреки всему. Когда дружба крепилась у костра в горах, любовь рождалась от шёпота стихов, а истина открывалась в долгих разговорах до утра.

Это было время строгих правил и тихого бунта, советской дисциплины и юношеской свободы, материального дефицита и богатства духа. Время, когда гитара в общаге, смех на лекции и костёр под звёздами значили больше любого диплома.

Алма-Ата стала нашим домом, где рождались мечты. А студенческий дух тех лет остался в памяти навсегда – как первая любовь, как вкус яблок из родительского сада, как шум тополей, который до сих пор слышится в тишине вечеров.

И может быть, именно в этих студенческих годах, в наших мечтах и спорах, зарождалась будущая независимость Казахстана – не в кабинетах власти, а в сердцах тех, кто верил: знания, дружба и любовь сильнее любого режима.

ГЛАВА 3. КАЗАХСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА:

ЗОЛОТАЯ ЭПОХА 70-Х

3.1. Корни, уходящие в историю

В сердце цветущей Алма-Аты 70-х, среди тополиных аллей и горных ветров, возвышался наш родной Казахский политехнический институт имени В. И. Ленина. Не просто вуз – целая вселенная! Когда утренний бриз с Алатау обвевал его корпуса, а вечерние огни фонарей отражались в окнах аудиторий, казалось, что здесь рождается само будущее Казахстана.

КазПТИ в период с 1970 по 1975 годы был бесспорным флагманом инженерного образования не только в республике, но и во всей Центральной Азии. Сюда стремились лучшие умы со всего Союза – от сибирских городов до среднеазиатских республик. И это не преувеличение: институт притягивал как магнит всех, кто мечтал стать настоящим инженером.

Главный корпус встречал абитуриентов и студентов строгими колоннами и широкими лестницами из серого гранита. В вестибюле, под высокими сводами, всегда было многолюдно: студенты спешили на лекции с чертёжными досками под мышкой, преподаватели в строгих костюмах обсуждали научные проблемы, а первокурсники с замиранием сердца искали нужные аудитории.

История нашего института – это летопись становления индустриального Казахстана. Всё началось в далёком 1933 году в Семипалатинске, где по инициативе Казгеолтреста возникло первое высшее техническое учебное заведение республики. Десять преподавателей и 75 студентов – вот с чего начинался путь к величию.

Но судьба распорядилась иначе. Совет народных комиссаров СССР, решая грандиозную задачу подготовки кадров для индустриализации Казахстана, перевёл институт в Алма-Ату. 20 октября 1933 года родился Казахский горно-металлургический институт, а 19 сентября 1934 года прозвенел первый звонок первого учебного года.

От КазГМИ до КазПТИ – путь длиной в четверть века. В 1960 году институт обрёл своё гордое имя – Казахский политехнический институт имени В. И. Ленина. К 70-м годам он уже был признанным центром инженерной мысли, кузницей кадров для растущей промышленности республики.

Факультеты – планеты одной галактики

КазПТИ начала 70-х представлял собой настоящий научно-образовательный комплекс. Шесть факультетов – шесть миров, каждый со своим характером:

Горный факультет – суровые романтики недр, будущие покорители рудников и шахт. Здесь воспитывали тех, кто должен был извлекать богатства казахской земли.

Металлургический факультет – сердце института, его главная гордость. Будущие мастера плавки, знатоки печей и конвертеров, те, кто превращал руду в металл.

Геологоразведочный – следопыты земных богатств, романтики с молотками и компасами, чьи экспедиции открывали новые месторождения.

Строительный – архитекторы промышленности, создатели заводов и фабрик, мостов и дорог.

Энергетический – повелители молний и турбин, те, кто давал жизнь машинам и механизмам.

Факультет автоматики и вычислительной техники – пионеры кибернетики, предвестники компьютерной эры.

Каждый факультет жил своей жизнью, но всех объединяла одна цель – готовить инженеров высочайшего класса.

Звёзды профессорского неба

В аудиториях КазПТИ творили настоящие корифеи науки. Имена Х. К. Аветисяна, О. А. Байконурова, А. В. Бричкина, В. Д. Пономарёва, А. А. Цффта произносились с осо-

бым почтением. Эти люди не просто преподавали – они формировали инженерное мышление, закладывали основы научного мировоззрения.

Особое место в пантеоне института занимал профессор Абдыгаппар Ашимович Ашимов, основавший в 1966 году кафедру автоматизации металлургических процессов и производств. Здесь рождалась новая специальность – МЦА, металлург-цветник-автоматчик. Студенты этой кафедры были элитой среди элиты.

Генрих Мусаевич Тохтабаев руководил отраслевой научной лабораторией «ОНИЛ АСУТП в цветной металлургии». Под его началом студенты не просто изучали теорию – они участвовали в настоящих научных исследованиях, создавали системы автоматического управления для реальных производств.

Профессор Ахмет Хакимович Ибраев славился своей «необыкновенной технической мудростью». Его лекции превращались в захватывающие путешествия в мир металлургии. Студенты боготворили таких преподавателей – строгих, но справедливых, требовательных, но готовых помочь.

3.2. Битва за мечту: поступление как подвиг

Поступить в КазПТИ в те годы было сродни подвигу. Конкурс доходил до 15 человек на место! Представьте эту нервотрепку: сотни абитуриентов из всех уголков Казахстана и соседних республик съезжались в Алма-Ату, чтобы сразиться за право называться студентом политеха.

Экзаменационные аудитории превращались в поля битвы умов. Математика, физика, русский язык – каждый предмет был барьером на пути к мечте. В коридорах института в дни экзаменов царил особая атмосфера: смесь надежды и отчаяния, волнения и решимости.

Абитуриенты приезжали со всего Союза. Дети металлургов из Караганды и Балхаша, сыновья геологов из Жезказгана, выпускники сельских школ из далёких аулов – все они мечтали об одном: стать инженерами, получить путёвку в большую жизнь.

Приезжие абитуриенты: Истории из студенческой Алма-Аты

Для многих молодых ребят из небольших аулов и сёл Алма-Ата была не просто столицей, а целым новым миром, куда они приезжали в первый раз. В этом большом городе их ждали не только надежды на будущее, но и множество незнакомых ситуаций.

История первая: Как найти «пятый» троллейбус?

Один из абитуриентов вспоминал, как ему дали простой совет: «Как выйдешь с вокзала, сядешь на троллейбус №5 или 6, и он довезёт до Политеха». Он вышел на остановку и несколько часов ждал, но ни одного троллейбуса с таким номером не было. Самый маленький номер, который он видел, был 45. Он стеснялся спросить, пока к нему не подошёл человек.

– Ты чего так долго стоишь, испуганный какой-то? – спросил прохожий.

Абитуриент рассказал ему о своей проблеме. Человек улыбнулся и объяснил, что нужно смотреть не на большие бортовые номера на кузове, а на маленький квадратный указатель над лобовым стеклом или сбоку, где написан номер маршрута. Только тогда парень понял, что всё это время ждал не то.

История вторая: «Пингины» и «Лебеди»

Ещё одна история связана с посещением кафе в студенческом районе. Один парень очень хотел туда попасть. Он зашёл, осмотрелся и увидел, как другие ребята пьют молочные коктейли. Не зная, как они называются, он просто смотрел, что другие заказывают. Когда подошла его очередь, он указал на коктейль на чужом столике и смущённо сказал:

– Мне такой же, как у того... с мороженым.

А официант, улыбаясь, подсказал ему: «А, это „Пингвин“. А ещё у нас есть „Лебедь“». Он был поражён, что у обычного молочного коктейля есть своё собственное, такое интересное имя.

История третья: Улица Розы Бакиевой?

Другой парень, приехавший из далёкого села, заблудился в городе. Ему нужно было найти общежитие по улице Розыбакиева. Он спрашивал у прохожих, как пройти, и называл улицу «Бакиевой», как будто это имя человека. Но никто его не понимал.

Он долго плутал по городу, пока не встретил земляка.

– Что ищешь? – спросил тот.

– Улицу Бакиевой Розы. Никто не знает такую, – ответил парень.

Земляк рассмеялся и объяснил, что улица называется Розыбакиева, и это одно слово. Он был поражён, что одно неправильно произнесённое слово может так изменить смысл и запутать в огромном городе.

История четвёртая: Светофор со стрелкой

Ещё одна история произошла с парнем, которому нужно было перейти оживлённый перекрёсток на проспекте. Он видел, что машины едут, потом останавливаются, но не мог разобрататься, когда ему можно идти. Он стоял долго, боясь ступить на проезжую часть, наблюдая за мигающими стрелками и машинами.

К нему подошёл старик и указал на светофор:

– Видишь, зелёный человечек загорелся? Стоим, ждём, пока машины, что едут по стрелке, проедут. А когда красный для них загорится – идём. Иди, не бойся.

Парень был поражён, что у этой сложной системы есть такие простые правила. В его родном ауле таких устройств не было, и ему приходилось учиться этому с нуля.

Эти истории напоминают нам, что Алма-Ата была городом не только больших возможностей, но и маленьких открытий. Для многих она стала первой большой школой жизни, где приходилось учиться не только наукам, но и «языку» большого города.

3.3. Судьба, случай и призвание: истории поступления

Дороги в политех

В политех не приходили случайно – даже если казалось, что всё решил случай. У каждого была своя дорога: длинная или короткая, прямая или с крюками, но всегда живая, человеческая.

Парень из шестнадцати дворов

В ауле Богуты Чиликского района было всего шестнадцать дворов. Дом Камшата стоял на самой окраине – дальше начиналась степь и уходящая вдаль дорога. Вечерами было тихо, слышно, как ветер гонит перекасти-поле.

К ним часто останавливались на ночлег охотники и рыбаки. Чай, разговоры, редкие новости из большого мира. Однажды среди гостей оказался преподаватель из Алма-Аты. Он долго смотрел на парня – как тот слушает, как отвечает, как не суетится.

– Поступай в КазПТИ, на металлургический, – сказал он на прощание, словно между делом.

Кашат долго сомневался. Алма-Ата казалась далёким и почти недостижимым. Но он поехал. Сдал экзамены. Поступил.

И много лет спустя одноклассники, вспоминая тот вечер и тот совет, называли его настоящим последователем Сатпаева.

Цель

Нурлан приехал из Кызылорды и мечтал поступить именно в политех. С первого раза не получилось. Домой возвращался молча – не хотелось ни объяснять, ни оправдываться.

Но характер у него был упрямый. Он пошёл в ГПТУ и решил: если есть правило, он выполнит его до конца. Учился серьёзно, без скидок на усталость и обстоятельства.

Когда получил диплом с отличием – редкость для тех лет, – сам не сразу поверил, что теперь имеет право поступать в институт без обязательной отработки.

В политех он пришёл уже другим человеком – спокойным, собранным, знающим, зачем он здесь.

Случайная судьба

Он готовился в медицинский институт. Учебники были другие, планы – тоже.

Но в день экзаменов перепутал расписание и оказался в аудитории политеха. Сдавал физику и математику – и прошёл конкурс.

Сначала удивился. Потом решил остаться.

Со временем полюбил металлургию, научился мыслить как инженер и стал доцентом той самой кафедры, куда когда-то зашёл по ошибке.

За компанию – к успеху

Один школьный друг готовился серьёзно и переживал. Не прошёл.

Другой шёл «за компанию», почти без надежды. Просто попробовать.

Именно его фамилию нашли в списках зачисленных.

Он втянулся в учёбу, подолгу задерживался в лабораториях, стал активистом научного кружка и окончил институт с отличием, так и не поняв до конца, как судьба сделала этот выбор за него.

Вдохновение от инженера

Она мечтала стать учительницей. Других планов не строила.

Всё изменилось после случайной встречи с инженером-металлургом, проходившим практику в их далёком посёлке. Он говорил о профессии просто, без пафоса, но с таким уважением и внутренним огнём, что девушка впервые задумалась: а вдруг и она сможет?

Экзамены сдала на отлично. Годы учёбы пролетели быстро.

Позже она стала ведущим специалистом крупного комбината – и часто вспоминала тот разговор.

Золотая медаль

У него была золотая медаль и право сдавать всего один экзамен. Можно было выбрать многое.

В семье долго говорили вечерами:

– Инженер – это стабильность. Это профессия на всю жизнь.

Он выбрал металлургию. Выбор оказался верным.

Общежитие

В общежитиях жили все – независимо от факультета и будущей специальности. В одной комнате сходились разные судьбы.

Булат Касенов – уже отслуживший в армии, спокойный и рассудительный. Елкаир Сыздыков – будущий инженер-экономист. Марат Касенов – абитуриент металлургического факультета.

Редкое совпадение: все они прошли конкурс.

Комната была тесной, чайник – один на всех, разговоры – до глубокой ночи. Так рождалась дружба, которая пережила учёбу и осталась на долгие годы.

Последний поезд

Он приехал ночью, последним поездом. В кармане – документы и немного денег. Вокзал был пустым и неприветливым.

Утром экзамен. Он сидел на лавке, повторяя формулы, и думал о том, что дороги назад уже нет.

Когда увидел свою фамилию в списках, просто сел на ступеньки и долго смотрел в землю, привыкая к новой жизни.

Письмо домой

Первое письмо он писал долго. Слова не складывались.

«Мама, папа, я поступил», – вывел наконец неровным почерком.

Письмо получилось коротким. Но в нём было всё: радость, облегчение и тихое обещание оправдать доверие.

У каждого была своя дорога в политех. Разная, непростая, иногда неожиданная. Но всех объединяло главное – желание учиться и вера в то, что инженер – это не просто профессия, а судьба.

3.4. Первые шаги в большой науке

Первый курс был испытанием на прочность. Многие студенты, особенно из сельской местности, с трудом изъяснялись по-русски, стеснялись задавать вопросы на лекциях. Технические термины казались китайской грамотой, объяснения преподавателей – туманными.

Но происходило настоящее чудо: к концу первого семестра эти ребята, благодаря упорству и помощи сокурсников, преобразались. Они начинали свободно выражать мысли, уверенно отвечали на семинарах, писали курсовые работы. Это говорило не только о высоком уровне советского образования, но и о невероятных способностях самих студентов.

Лекционные залы политеха видели многое: жаркие споры на семинарах, когда студенты до хрипоты доказывали правильность своих расчётов; ночные бдения над курсовыми проектами, когда целые этажи общежитий гудели от мозговых штурмов; радость открытий, когда сложная формула вдруг становилась понятной.

Наука студенческими руками

Учебный процесс в КазПТИ отличался фундаментальностью и практической направленностью. Студенты не просто зубрили теорию – они участвовали в настоящих научных исследованиях. На кафедрах работали отраслевые лаборатории, где будущие инженеры постигали тайны автоматизации производства, создавали системы управления технологическими процессами.

Лабораторные работы превращались в увлекательные эксперименты. В металлургических лабораториях студенты своими руками плавил металл, изучали его свойства, анализировали химический состав. В лабораториях автоматики они собирали электрические схемы, программировали первые ЭВМ, разрабатывали системы контроля.

Преподаватели были не просто лекторами – они были наставниками, научными руководителями. Профессор Тохтабаев Г. М., Ибраев А. Х., Афанасьев А., Лю Б. Н., Аимбетова Е. И. – эти имена произносились с особой теплотой и благодарностью. Они были строги, но справедливы, требовательны, но готовы помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.